

В АМЕРИКУ НЕЛЬЗЯ ВОЙТИ, ОСТАВАЯСЬ САМИМ СОБОЙ

Беседу вел Павел НУЙКИН

Споры об «особом пути развития» России ведутся, наверное, немногим меньше, чем Русь существует. Правда, слушая нынешние диспуты на эту тему, так и тянет повторить за Булгаковым: «Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича - изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать». И тем не менее проблема не перестает от этого быть ни важной, ни актуальной. Осветить некоторые ее аспекты мы попросили известного философа и культуролога Григория ПОМЕРАНЦА.

- Григорий Соломонович, скажите, что же все-таки такое с вашей точки зрения Россия - уникальная цивилизация, «Третий Рим и четвертому не бывать», или неудачный последователь Запада?

- Некоторые проблемы трудно решать без широкого культурологического подхода. Скажем, вопрос о своеобразии России надо ставить не в условных рамках «Россия и западная цивилизация», а - «Россия в споре культурных миров», которых существует, с моей точки зрения, четыре. Четыре великих культурных мира, три из которых сложились около двух тысяч лет назад - христианский Запад, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский Дальний Восток. Трудно объяснить, почему именно в это время. Может быть, был какой-то, ну, мистический толчок, который захватил разные народы и стал выходом из ограниченного племенного сознания на мировой уровень. Четвертый - ислам - возник позже, сломив византийскую и персидскую империи.

Приметы того, что я называю культурным миром, следующие. Единое Священное Писание. Единый или, во всяком случае, известный грамотным язык Священного Писания. Единый шрифт этого языка, которым потом пользуются и национальные языки, принадлежащие к данному миру. Вот посмотрите. Запад - это латинский перевод Библии, это латинский язык, оказавший влияние на все европейские языки и давший ряд международных терминов, и латинский шрифт, которым пользуются все европейские языки. Возьмите мир ислама - Коран, арабский язык, арабская вязь, ею пользовались до нового времени самые разные языки, скажем, урду в Индии. Дальний Восток определяется китайской классикой, китайскими религиозными текстами и иероглифами. Сфера распространения иероглифов совпадает с границами дальневосточного мира, который охватывает Вьетнам, но не охватывает Тибет.

И неоднократно ставившийся вопрос: является ли Россия самостоятельной цивилизацией, с моей точки зрения, некорректно звучит из-за расплывчатости термина «цивилизация». То, что сейчас называется «теорией цивилизаций», началось со Шпенглера. Причем Шпенглер употреблял термин Kulturkreis (культурный круг), что очень не нравилось французам и англичанам, которые не различали понятия «культура» и «цивилизация». Когда мою статью по этому вопросу переводили на французский язык и мне прислали перевод, я с удивлением прочитал, что в том месте, где я ссылаюсь на Шпенглера как на зачинателя разработки этой проблематики, его термин «культурный круг» перевели с русского как «ареал цивилизации». По-французски «культурный круг» вполне можно передать, как «серкль дю культур». Но им было бы неприятно употреблять немецкий термин.

- Чтобы мы не походили на ваших французских читателей, не могли бы вы уточнить различия между этими двумя понятиями?

- «Культура» Шпенглера - это примерно то, что у нас Достоевский и Аполлон Григорьев назвали «почвой». Культура - это то своеобразное, что нельзя передать другим, что уникально и является, допустим, только французским, только немецким. Тогда как цивилизация - это то, что передать можно. И надо признать, что характеристики Шпенглера, в чем-то спорные, все же имеют смысл. Действительно, есть в культуре что-то передаваемое и что-то непередаваемое. Вот та массовая культура, которая распространяется CNN от эскимосов до Огненной Земли, может быть усвоена всеми, но я не вижу в этом большого приобретения. А более тонкие вещи куда сложнее в передаче. Они тоже могут быть творчески усвоены, но в восприятии они всегда становятся другими.

Тойнби на основе концепции Шпенглера попытался создать свою, в чем-то более широкую. Для Тойнби очень важно было то, что умирающий Рим передал варварам христианство. И поэтому Тойнби вводит в теорию культуры Шпенглера метафору «циркулярной пилы», которая, вращаясь, все глубже врезается в древесину. То есть культура, проходя циклы зарождения, расцвета и упадка, - здесь Тойнби следует своему предшественнику: культуры умирают, как люди, - вместе с тем, так сказать, все глубже вгрызается в истину и передает следующей культуре свое более глубокое понимание истины. Метафора, конечно, но кое-что захватывает; одновременно Тойнби испортил теорию, заменив понятие «культуры» понятием «цивилизации». Дело в том, что цивилизация понимается часто стадийно. Скажем, у Энгельса она противопоставлена варварству. То есть цивилизация здесь не диахронное понятие - вот, скажем, западная цивилизация, а вот дальневосточная, - а временное. Сначала дикость, варварство, а потом цивилизация. Поэтому и возникает путаница. И, кроме того, цивилизация не имеет четких локальных границ. Можно говорить о мировой цивилизации, о цивилизациях Англии и Франции или, углубившись в историю, скажем, о цивилизации Афин, которые по размерам-то крошечный кусочек земли. И тем не менее вполне допустимо говорить о цивилизации Афин. Поэтому то, что мы благодаря господству англоязычной книжной продукции усвоили терминологию Тойнби, внесло страшную путаницу.

- А можно ли говорить о нашей цивилизации, цивилизации России?

- Является ли Россия самостоятельным культурным миром, тем, что я называю «субэкуменой»? С моей точки зрения, нет. Россия - культура, складывающаяся на перекрестке цивилизаций. Да, в связи с Россией надо упомянуть еще одно различие между концепциями Тойнби и Шпенглера. Шпенглер давал не определение, а художественное описание каждого культурного круга, идя вслед за Максом Вебером, который создал понятие «идеального типа культуры». То есть он описывал тип культуры Индии, тип культуры Японии и т. д. Хотя Вебер умер в двадцатом году прошлого века и некоторые данные в его модели идеального типа культуры устарели, но тем не менее умение создать сжатое описание основ данного культурного мира требует таланта, близкого к художественному, который не у всех ученых есть. Поэтому веберовские идеальные типы до сих пор в ходу у многих исследователей.

Тойнби все это отбросил и дал очень слабое определение цивилизации: «Наименьшая группа стран, с которыми приходится иметь дело историку, занимающемуся историей своей собственной страны». Но подобное определение подходит лишь к тем странам, которые развивались все время в одном культурном мире. Если же мы попробуем установить циркуль в Москве, то окажется, что в наименьший круг стран для историка России входит Византия, входят степные народы, входит мусульманский мир и входит

Запад. Таким образом, наименьший круг стран охватывает ряд культурных миров, которые, на глазок видно, явно разные. Поэтому достаточно попробовать применить наивную методологию Тойнби к России, чтобы мы увидели, что она не срабатывает. И наверное, главная особенность России - что она развивалась не в одном и том же культурном мире, а в разных. Отсюда и ее как бы изломанная культурная традиция - то византийская, то татарская, то западная.

- Ну изломанная у нас, наверное, отнюдь не только культурная традиция...

- В политическом отношении Россия ломалась скорее по татарским, чем по византийским образцам. Недаром Федотов говорил, что победа Москвы была победой наиболее отатаренного из русских княжеств. Известно, что Иван Калита возвысился не столько подвигом, сколько доносом на своих соперников, что тверской князь был замучен в орде по его доносу. Так что методы возвышения Москвы были не слишком возвышенны. Затем опять новый крутой поворот, петровский поворот на Запад со страшными изменениями и потрясениями.

Ведь и Достоевский при всей своей любви к России говорил, что у нас все очень расшатано, он это прекрасно чувствовал. Что Петр сломал предыдущие представления о чести, о достоинстве, о порядочности, но ни он, ни его преемники не смогли достаточно утвердить новые, во всяком случае - широко утвердить.

- Ведь реформы Петра затронули лишь верхние слои общества?

- В самом деле, Петровская реформа изменила только характер верхнего слоя, в сущности, дворянство потомственное и личное. Зато этот вот в широком смысле слова одворяненный слой был в конце концов европеизирован и в XIX веке создал блестящую культуру, внося тогда, я считаю, свой самый значительный вклад в культуру мировую. Вообще для России оторваться от Европы - значит оторваться от культуры. С моей точки зрения, русские могут прежде всего быть замечательными учениками, причем учениками, идущими дальше своих учителей.

Действительно, скажем, Рублев ничуть не хуже византийских иконописцев и в образах «Спаса» и «Троицы» создал шедевры, которые не уступают или даже превосходят византийские образцы. Достоевский, Толстой превзошли своих французских учителей в романе. Но новых форм Россия ни разу не создавала. Россия не создала канонов иконы, канон родила Византия. Роман как таковой тоже придуман не в России. Тем не менее Достоевский во всем мире признан самым влиятельным из писателей XIX века.

- Вероятно, стоило бы вспомнить и нашу музыку - Глинку, Чайковского, Мусоргского...

- У нас была интересная музыка и живопись, была полноценная культура, в которой блистал роман. Русский роман XIX века - такое же мировое явление, как «Божественная комедия» Данте, как Гомер, как Шекспир. Сейчас, выезжая за границу, я мог убедиться, что имена Толстого и Достоевского знает сколько-нибудь образованный человек в любой стране.

Русская культура XIX века очень тесно связана с Европой. Но это не значит, что она не была оригинальной. Оригинальность и связанность с культурным миром не противоречат друг другу. Даже в своих чисто политических взглядах русский мог ориентироваться: либерал - на Англию, консерватор - на тогдашнюю Германию, а радикал - на

революционную Францию. Так что и здесь Европа давала нам выбор возможных путей. Если же говорить о более тонких вещах, которые выходят за рамки четких политических партий, то можно сказать, что роман Достоевского соткан из многих европейских нитей, что он что-то брал у Сервантеса и Кальдерона, у Шекспира и Диккенса, у Бальзака и многих, многих других. Например, в романе «Игрок» пародируется фигура де Грие. Но из этих нитей он сплетает коврики, которые европеец бы не соткал. Потому что Россия в отличие от прочих европейских народов воспринимает Европу как единое целое. Выражение «европейская культура» оказывается чисто русским. Оно рождается из попытки представить все противоречия разных национальных типов Европы в некой целостности.

И подобное стремление, которое Достоевский называл «всемирной отзывчивостью» - объять все противоречия в единстве, - придало дополнительный своеобразный оттенок русскому роману. А наряду с европейскими влияниями, которые сами по себе разнообразны, литературой разрабатывался еще пласт религиозный, православный. Скажем, у Толстого - сектантский, но опять-таки это народная черта - сектантство. Вообще творчество Достоевского и Толстого представляет собой потрясающий сплав еще не изжитой, не истрепанной религиозности со всей широтой европейской культуры. И мне кажется, что после многолетнего отчуждения от остального мира и погружения в то царство утопии, в котором мы гордо пребывали, считая, что все прочие разлагаются, а мы только одни хорошие, ближайшее, к чему надо возвращаться, восстанавливать, - это традиция творческого диалога с Европой. Но за это время изменился и сам Запад. Очень резко выдвинулась на первое место маргинальная, в сущности, для западной культуры страна Америка. Это не Центральная Европа, это европейская колония, которая разбогатела и благодаря своему богатству, благодаря средствам массовой информации, монополии на телевидении и т. д. стала задавать тон, что очень сильно изменило ситуацию в мире.

- Однако кто-то может возразить, что это процесс естественный, в XIX веке была европеизация мира, сейчас - американизация.

- Если мы обращаемся лицом к Европе, то имеем перед собой сообщество разных культур, я бы сказал - концерт культур, в котором всегда есть место для нового инструмента со своим голосом. Если же мы имеем дело с Америкой, то это одна страна. В нее нельзя войти, оставаясь самим собой. Можно только подчиниться, и поэтому американизация в отличие от европеизации вызывает резкое сопротивление в образованных кругах. Европеизация, как правило, принималась элитой и вызывала сопротивление скорее в более широких массах, которые не все там понимали. Американизация идет совершенно иначе. Ее подхватывает именно чернь. Потому что культура, которая распространяется CNN и другими подобными станциями, рассчитана на человека массового. В самой Америке элита противостоит той культуре, которую Америка экспортирует.

Вообще говоря, массовая культура придумана тоже не за океаном. Гессе в романе «Игра в бисер» назвал это явление фельетонизмом. Фельетонизм возник в XIX веке прежде всего во Франции, и когда Достоевский критикует Францию в «Зимних заметках о летних впечатлениях», он имеет в виду тот первый, еще газетный вариант массовой культуры, который там развился. Но я бы сказал, что теперь производство массовой культуры в значительной степени монополизировано американскими средствами массовой информации, американским телевидением.

О пользе же подобного господства идет спор в самой Америке. Скажем, существует концепция Мак Льюена, который считает, что нынешнее телевидение осуществило идеал

Джефферсона, что это идеал демократии, это культура для всех. Но сторонников данной точки зрения не так уж много. Сейчас все американское - и политика, и телевизионная продукция - вызывает законное сопротивление в мире и прежде всего в Европе, где достаточно сильны настроения сопротивления чрезмерно большой, не по духовной значительности роли американской культуры. А между тем она - лишь одна из национальных культур Европы, и когда начинает выступать в качестве, так сказать, культурного фюрера, то выходит за рамки своих возможностей. В сопротивлении этому, я бы сказал, лидирует французская мысль. Кое-что в современном деконструктивизме и постмодернизме может быть названо французской критикой американской культуры. Как ни парадоксально, но в современном мире Франция, которая всегда была объектом критики для почвенников, была носителем цивилизации, опрокидывавшей почву, сама выступает как почвенная культура, противостоящая американскому, нивелирующему все катку массовой культуры.

- Надеюсь, роль Европы не будет сводиться в ближайшие десятилетия лишь к противостоянию массовой культуре Америки.

- Для культуролога Европа всегда была очень сложным явлением, а сейчас мир стал еще сложнее. Благодаря широкому распространению западной культуры и попытке христианизировать планету выяснилось, что произошло нечто другое, что повсеместное употребление английского языка втянуло в диалог и очень живые, не умершие, не потерявшие своего пафоса культурные миры, мусульманские, индийские, дальневосточные, которым есть что сказать. В том духовном вакууме, который заставляет современного западного человека и в Америке, и в Европе искать чего-то другого, нового, в этих странах, причем в Америке даже больше, чем в других, начался импорт восточных культур. Импортируются йога, дзэн-буддизм, суфизм и т. д., потому что вербализованное, то есть ставшее держаться скорее в словах, чем в духе, христианство уже не удовлетворяет ищущего американца.

Мне близка позиция этого меньшинства, не удовлетворенного современным состоянием Запада и состоянием его «культуры мертвого бога», которую следует называть уже не христианской, а постхристианской. Она постхристианская, но вместе с тем не приобрела пока никакого другого духовного стержня. Поэтому она является сейчас культурой глубокого кризиса. Дело не в том, что у нее есть недостатки, это настоящий, глубокий кризис, и требуются, по-видимому, какие-то непривычные, новые шаги для выхода из него. Как, например, нынешний переход католической Церкви от уверенности, что она уже все знает и надо только активнее распространять свои идеи, к политике диалога.

- А есть ли какие-нибудь практические результаты новой политики католической Церкви?

- В современном мире стало возможным, скажем, такое явление. В 1994 году в Лондоне прошла сессия «Семинара христианской медитации», основанного бенедиктинским монахом Джоном Мейном. И вести семинар пригласили далай-ламу. Он комментировал «Евангелие» с буддийской точки зрения, а затем его мысли обсуждались с другими присутствующими, в частности с отцом Лоренсом Фрименом - главным представителем бенедиктинцев в этом диалоге. Впоследствии обработанная стенограмма сессии была выпущена отдельной книгой под названием Dalai Lama. The good heart. В XIX веке подобное издание было бы абсолютно немыслимо, понимаете? Начиналось каждое заседание с получаса молчания. Далай-лама зажигал свечу, бенедиктинцы тоже зажигали свои свечи, полчаса все находилось в молчании, учась в медитации понимать друг друга. Тем же заседание и заканчивалось. Многие присутствовавшие там говорят, что именно в

эти полчаса молчания они постигали некое единство, которое, правда, не устраняло различий, что все время подчеркивалось, да и сам далай-лама говорил, что нельзя приставить голову яка к туловищу барана. Но стремление достичь взаимного понимания языка разных религий, понимания того, что есть нечто, которое объединяет, несмотря на все различия, - это, я бы сказал, характерно для творческого меньшинства и на Западе, и на Востоке.

- Жаль, что подобные добрые, уважительные, благожелательные отношения между людьми остаются уделом меньшинства.

- Увы. Если на вершинах духовности идут поиски взаимного понимания, то в каких-то других пластах идет процесс разгорающейся ненависти, не знающей предела. Сказанное прежде всего относится к наиболее агрессивным видам мусульманского фундаментализма. Почему именно в мире ислама это приобрело такие формы, можно объяснить или, во всяком случае, попытаться объяснить. Мне бы хотелось подчеркнуть, что террор придумали не мусульмане. Более того, переход от террора классического, существовавшего две тысячи лет с лишним и всегда направленного против отдельных лиц - или тиранов, или помощников тиранов, - от террора Брута к террору массовому, направленному на женщин и детей, произошел в XX веке тоже не в мире ислама. Сперва возник террор государственный: в Советском Союзе против целых социальных слоев, в Германии против целых этносов. Впоследствии к нему добавился террор партизанский, который надо отличать от государственного, он тоже направлен против целых наций и даже цивилизаций. В двух разных очагах возник террор как средство национальной борьбы - на Ближнем Востоке и в Ирландии. В обоих случаях он был террором не против каких-то определенных политических деятелей и т. п., а против целых наций, без учета пола и возраста. Скажем, в Тауэре в одном месте висит плакат-объявление, что здесь ирландская бомба убила пришедших на экскурсию 32 девочек. Вы знаете, что точно так же ведут себя террористы сейчас в Израиле. И тогда же возникла еще одна очень странная вещь, которую можно назвать террором против мировой цивилизации, - такие группы, как «Красные бригады», «Красная армия».

Это все не в мире ислама возникло, а складывалось в брюхе самой западной цивилизации. Детонатор террора, созданный кризисом развитых стран, в конце концов взорвал и мусульманский фанатизм. Мухаммед нынешней формы борьбы с иноверцами - убивать женщин и детей - никогда не проповедовал. Поэтому нужно было, чтобы глобальный террор вошел в мировой обиход, а потом уже он сплелся с мусульманским фанатизмом.

Сама западная культура в своем давлении на личность в процессе отчуждения человека от человека и от общества вызывала такой хаотический бунт, хаотический протест, в сущности, явного меньшинства против большинства, в духе, скажем, «Записок из подполья» Достоевского или раннего Маяковского: «Пусть земле под ножами попомнится, кого хотела опошлить». Для ислама это долгое время было чужим. Зато смесь бунта отчужденной личности с мусульманским фанатизмом оказалась чрезмерной.

Теперь нам нужно сориентироваться, чтобы понять, в каком мире мы очутились. Скажем, у нас в России под влиянием обиды на Европу ожили некоторые фантомные идеи, сложившиеся в определенных кругах русской эмиграции, когда они были вышвырнуты из страны революцией и столкнулись с высокомерным и презрительным отношением к себе западных европейцев. И тогда вот возникла концепция евразийства, и создан был миф о возможности совершенно самостоятельной русской цивилизации.

Это, по-моему, все-таки фантом, и хотя Россия, конечно, - страна евразийская, но сие не значит, что она является совершенно самостоятельным культурным миром. Россия может расправиться и возродиться, скорее, в диалоге с другими странами.

- Прилично ли нам, при нашей-то нищете и разрухе, вести на равных беседу с остальным человечеством о высотах духа?

- В диалоге культур не имеет большого значения экономическое и военное могущество. В XVIII веке, что отмечал еще не то Энгельс, не то Маркс, Франция терпела поражение в ряде войн. Однако это был французский век: Фридрих II мог разбивать французов на поле боя, но он почтительно переписывался с Вольтером, потому что авторитетом для всего мира, европейского мира, были Вольтер, Руссо, Дидро. Екатерина II тоже переписывалась с французскими философами и купила библиотеку Дидро. Это было модным, это было престижным, несмотря на военное и экономическое состояние страны.

Восстанавливая на современном уровне диалог с Западной Европой и Америкой, мы должны включиться и в диалог западного мира с другими культурными мирами. И именно в этом диалоге мы можем найти возможность и чего-то самостоятельного, нового, что мы сами можем сказать человечеству.